

Драма

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Отшельник

Вам мнится, я забрел сюда,

В сердцах покинув города?

Вы маху дали, господя!

Нет, я из города убрался

Не потому, чтобы чурался

Греха, что льстец, ханжа и вор

Мне ненавистны с давних пор.

Все это б я, не дрогнув, снес,

Но вот до лестя я не дорос.

Обчистят, обгадят тебя, как вороны, А ты — отвешивай им поклоны!

С их вздорной спесью расстаться рад, Я путь держу на «божий град»,

Где тоже схватки, тоже боренье,

Но нет, не пропадет творенье:

Весной в лесах и на горах

Все зеленеет в живых ростках,

Все тщится жить, любой сучок

Точит животворящий сок.

Тут думают сотни ваших умишек:

«Все это для нас и для наших детишек.

Господь к нам милосерд не даром,

Скорей бы это — по амбарам!»

Но бог глаголет нам: «Не так,

Творенью пусть дивится всяк».

И вот весенний жар лучей

К нам гонит аистов и стрижей.

Покличет — бабочка вспорхнет,

Погреет — мушка оживет

Иль гусениц мохнатый народ.

И плодородье кишит во всем,

Не сдрейфит, порвав с докучным сном, Жаба и зверь, червь и пташка,

Плодятся на ветке, в воде, у овражка, На брюхе, на спинке, смотря по замашке, —Посмотришь, что ни кустик, так

Роди?ны или новый брак.

И я, и этот пестрый рой

Поем, не совладав с душой.

Но, только пробудившись, тщится

Народец этот поживиться:

Вот червь листочек обкусал,

Сам жаворонку в клюв попал...

А я к тебе, природа-мать,

Пришел соловушкам внимать!

Но знайте, я и домовит:

Вот малый домик мой стоит.

Я буду грядки охранять,

Водой поить, козявок гнать,

И, если налетевший град

Побьет внезапным льдом мой сад,

Я хоть и рассержусь зело,

Но проживу, куда ни шло,

В то время как угрюмый жмот

Погибнет от одних забот.

Слышится далекое завывание сатира: «Ай-ай! Ай-ай! Увы! Ой-ой!»

Что слышу я за жалкий вой?

Должно быть, ранен зверь лесной?

Сатир

Спина! У-у! Нога! А-а!

Отшельник

Что с вами, друг мой, за беда?

Сатир

Глупец, или не видишь сам?

Упал — и лапа пополам.

Отшельник

Влезай на горб — и в эту клеть!

(Несет его на спине в свою хижину и кладет на постель.) Постой! Дай лапу осмотреть!

Сатир

Мне больно! Что вы за медведь!

Отшельник

Что вы за нюня! Брось орать!

Иль кожу с вас хотят содрать?

(Делает перевязку.)

Ну, поправляйтесь. Я готов.

Сатир

Теперь винца бы да плодов!

Отшельник

Хлеб с молоком — вот завтрак весь.

Сатир

Не жирно вы привыкли есть!

Отшельник

Не ждал сиятельных гостей,

Извольте — суп из овощей.

Сатир

Ну и супишко! Ну и вкус!

Как нищего котомка, пуст.

В горах, где стадо коз пасется,

Лишь в лапы мне одна попадется,

Цапну за вымя, губами стисну,

Алчною хваткой глотку сбрызну.

Вот жизнь! Скажу, как перед другом!

Отшельник

Так справьтесь поскорей с недугом.

Сатир

Что вытворяете вы там?

Отшельник

Искусство это в новость вам?

Своим дыханьем руки грею.

Сатир

Бедняга! Я его жалею.

Отшельник

Суда?рь, меня богаче нет.

Себе-то справлю я обед.

Хотите тюрей подкрепиться?

Сатир

Бурдой возможно ли прельститься?

Отшельник

Так лягте-ка, суда?рь, на бок

Да подремлите малый срок,

А я проведу пока,

Чем заморить вам червячка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сатир

(пробуждаясь)

Что за постель? Собакам спать!

Преступников на ней пытаться!

Болят и зад и поясница,

Да и от мух нельзя отбиться.

Не примирюсь с такой дырой.

В моей пещере — сказ другой:

Резные кувшины с вином,

Сыры и крынки с молоком.

Одно: не повредить бы ногу.

Здесь молится мой олух богу.

В глазах рябит, глядеть тоска.

Лежать в кумирне дурака.

Уж лучше луковице буду

Молиться, не всплакну покуда,

Чем поверять свой жар сердечный

Фигурке, планке поперечной.

Ничто не ставлю выше себя!

Бог — это бог, я — это я.

Теперь бы ускользнуть, пока

Один... и — к черту дурака!

Что пригодиться может мне?

Не это ль полотно? Вполне.

Девчонки — тёком от меня.

Так спереди прикроюсь я.

А го?спода его сорву-ка —

Да в речку! Это ли не штука?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сатир

Я утомлен. Ну, зноен день!

А у ручья густая тень.

Здесь луг для пришлого возвел

Из трав пленительный престол,

И ветерочки тревожат слух,

Как шепот нежных потаскух,

В любовном трепете земля.

На флейте ей сыграю я.

Две девушки с кувшинами.

Арсиня

Чу! Что за сказочный напев?

С реки или из-за дерев?

Психея

Так петь никто б у нас не мог.

Ты знаешь? Верно, это бог!

Пойдем посмотрим!

Арсиня

Я боюсь!

Психея

Всем сердцем — ах! — к той песне рвусь!

Сатир

(поет)

Друг! жизнь свою кому даришь?

Что орлим взором уследишь?

Земля — твоя. Взглянуть изволь:

Ты — властелин.

И вдруг — один,

И в сердце — боль!

Арсиня

Нет! Как он хорошо поет!

Психея

Меня он за душу берет.

Сатир

(поет)

Не ты ли песни свел с небес?

Растрогал скалы, реки, лес?

И тешит пенье не твое ль

Простор долин?

И вдруг — один,

И в сердце — боль!

Психея

Весь облик — горней красоты!

Арсиноя

Ушей мохнатых не видишь ты?

Психея

В его глазах могучий свет!

Арсиноя

Но быть его женой? О нет!

Сатир

О девы с легкою стопой,

Зачем вам не побыть со мной?

Психея

Как ты пришел сюда? Открой!

Сатир

Откуда я? — сказать не смею.

Куда? — ответить не сумею.

Не предрешен ли небесами

Час этой нашей встречи с вами?

Психея

Но все ж открой нам наперед,

Как звать тебя, каков твой род?

Сатир

Я матери в лицо не знал.

Никто отца не называл.

Среди деревьев и мшистых гор

Мне любо жить с давнишних пор.

Ненроследим мой путь далекий.

Психея

Не с неба ли наш гость высокий?

Арсиноя

Но чем, о странник, ты живешь?

Сатир

Да тем, что жизнью ты зовешь.

Мой этот непомерный свет.

Живу, куда направлю след.

Царю в лесах, среди долин,

Садов плодовых, морских пучин.

К тому же на стезе земной

Кто потягается со мной?

Я знаю свойства всяких трав,

И звезд известен мне устав,
И песнь моя живит людей,
Как хмель вина, как жар лучей.

Психея

О, верю! Надивилась ей...

Арсинья

Вот бы отца позвать! Постой!

Психея

О да!

Сатир

А кто родитель твой?

Арсинья

Он жрец и праведный старик,

Богат умом и знаньем книг.

Да все про звезды да про травы...

Вот с ним бы свидеться вам, право!

Психея

Так позови ж его! Спеши!

Арсинья уходит.

Сатир

Вот мы и вместе и в тиши.

Дитя мое, твой кроткий лик

Елеем в сердце мне проник.

Психея

Тебя лишь стоит увидеть,

Как ноги не хотят держать.

Сатир

Ты дышишь правдой и добром

И ангелу равна лицом.

Психея

Я только бедное дитя,

И этих слов не стою я.

Он ее обнимает.

Сатир

Все счастье у меня в руках!

Сжимает сердце сладкий страх!

Психея

Оно страдало так давно,

Теперь блаженствует оно.

Сатир

Так поняла ты сердца стук?

Психея

Нет! Но с тобой прозрела вдруг.

Сатир

То вещим гнетом налита,

То вдруг так нищенски пуста,

Душа рвалась в простор: в лесах

Всей грудью продохнуть свой страх, И боль, что мучила сначала,

Слезами крупными стекала,

И мир для взора исчезал!

Психея

О господин, ты все узнал!

И все, за чем тянулся дух,

В тебе, дрожа, познала вдруг.

Он властно целует ее.

Оставь! Молю! Мне страшно! А!

О, боже правый! Я слаба.

Гермес и Арсиноя являются.

Гермес

Здорово, странник! Прими привет!

Сатир

Как уморительно ты одет!

Гермес

Не я обычаи вводил.

Сатир

И как ты бороду завил!

Арсиноя

(тихо, Психее)

Мурлу служить — собьешься с ног.

Психея

Дитя, пойми, он родом — бог!

Гермес

И ваш не столь обычен вид.

Сатир

А, понял! Так тебе претит,

На голизну груди и лядвий,

На трепанность загривка глядя,

На ногти длинные — вдвойне?

Гермес

Мне — нет!

Психея

Мне тоже нет.

Арсинья

(про себя)

Но мне!

Сатир

Иначе — быстро прочь отсюда

И в роце выть с волками буду,

Когда позор свой выдавать

Вы будете за благодать,

Нарядов гнусное уродство

Мне в нос совать как превосходство.

Гермес

Потребность в этом, говорят.

Психея

О, как тяжел мне стал наряд!

Сатир

Потребность? Нет, презренный вздор

Вас разлучает с давних пор

С природой, а блаженство — в ней, На воле жизнь, любовь полней.

Вы в рабство отданы давно,

Ничто вам в досталь не дано.

Вокруг него, теснясь, собирается народ.

Один из народа

Кто этот пламенный пророк?

Другой

Все тело жжет его урок!

Сатир

Вы естество позабыли,
В робком рабстве застыли,
В душных кельях укрылись,
В скучных нравах зарылись!
Век златой без печали —
И во сне не видали!

Народ

Увы нам! Увы!

Сатир

Когда, впервой вкусивший яви,
С земли подымаясь,
Ваш праотец веселье славил,
В блаженстве теряясь,
И, чувствуя родную грудь
Природы в первозданный час,
Не враждуя с небесами,
Богом был перед богами.

А вы? Куда привел ваш путь?

Радость где? Жалкие, скорблю о вас!

Народ

Увы! Увы!

Сатир

Трижды блажен, кто б мог
Молвить: «Я есмь бог!»
Жил — ни в чем не плошал,
Кто б до?нага поскидал
Нарядов чуждый гнет,
Веков бремя, — и вот,
Не льстясь на побрякушек вздор,
Как облак свеж, впивал простор.
Встал — с пути не сбился,
Землей усладился,
Не мучился б, — словом,
Не жил на готовом.
Шатром будут дубы,
С коврами из трав.
Обедом — каштаны,

Сырьем, без приправ!

Народ

Рвите каштаны! О, к делу от слов!

Сатир

Иль кто-нибудь вправе

Лишить этой яви

Достойных сынов?

Народ

Рвите каштаны! Отпрыск богов!

Сатир

Судари чтимы,

В путь за моими

Зовами вслед!

Народ

Рвите каштаны! Радостен свет!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В ЛЕСУ

Сатир, Гермес, Психея, Арсиноя, народ расселись вокруг; все — на корточках, как белки; в руках они держат каштаны и грызут их.

Гермес

(про себя)

Черт возьми! Скажу, друзья,

Богомерзкого питья

До икоты отведал я.

Сатир

И, к подземным подступив ходам

Скрытых познаний, вверьтесь моим словам!

Внемли, кому повем,

Как не-вещь, быв всем,

В глухой вражде стихии взметала

И силою силу, гневясь, побивала —Без вражеских уз, без дружеских уз, Все созидая, все разнимая.

Народ

Дальше. Внимаем!

Сатир

Как пра-вещь прорвала свалку туч, Ночь взрыв, пробежал луч,

Во все глубины проник —

И взыграл вожделений родник:

Разом стихии открылись,

Жадно друг в друга пролились,

Все проникая, всем проникаясь.

Гермес

В нем бог глаголет, нам открываясь!

Сатир

Как Любовь с Враждой пришли,

Все и всех в Одно сплели,

И Одно поет —

Мерно звучен его полет!

И сила в силе возникает,

И сила силу пожирает,

И гулко катится Оно,

Везде, во всем, во всех — одно,

Все обновляясь, все сохраняясь.

Народ

О, это — бог!

Гермес

В его огне расплавляясь, Душа обновилась.

Народ

Бог! Бог!

Психея

О, горняя милость!

Боже, как ты вещаешь, как взводишь брови!

Я гибну от любви!

Народ

К молитве!

Падай ниц!

Один

Будь владыкой!

Другой

О великий И светлый!

Народ

Будь спасителем нам!

Один

Ночь мрачная миновала!

Народ

Будь спасителем нам!

Один

Проя?снились дни!

Народ

Мы твои!

О, навек твои!

Отшельник выходит из лесу и идет прямо на сатира.

Отшельник

А, гость мой! Не уйдешь теперь,

Неблагодарный, скверный зверь!

Сатир

Да с кем ты?

Отшельник

Да с тобой, поверь!

Кто обобрал мое жилье?

Кто выкрал божество мое?

Ты, гнусный хромуля!

Народ

Как он мог?

Им опорочен наш светлый бог!

Отшельник

Тебя ничем не устыдить!

Народ

Казнить безбожника! Побить

Камнями!

Сатир

Обождем чуток!

Я вам не зритель ваших склок.

Народ

Пусть кровь его, влюбивший нас, Течет вдали от божьих глаз!

Сатир

Иду.

Народ

Но к нам вернись тотчас!

Сатир уходит.

Отшельник

Вы в уме ль?

Гермес

Несчастный, слов не трать

Преступника под стражу взять

И заключить в моем жилище!

Отшельника уводят.

Народ

Смерть злодею!

Гермес

Он пощады не сыщет, Чтоб примирить божество, что для нас

Высшую милость творило сейчас,—

Храм наш древний ему посвятим,

Жертвой кровавой его ублажим.

Народ

Так, так!

Гермес

К святым подножьям

Злодея положим.

Народ

Преступленью —

Отмщенье!

Как смел он? как мог?

Все

Да сгниет безбожник!

Да славится бог!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЖИЛИЩЕ ГЕРМЕСА

Евдора, супруга Гермеса, отшельник.

Евдора

О добрый муж, прими еду свою

В последний раз.

Отшельник

Жена, благодарю

И слез не лью. Дай мне почить в покое.

Не первый раз душа в борьбе с тоскою.

Но дай мужаться в тишине.

Твоя печаль — горька вдвойне.

Евдора

Как взять мне в толк, что крови жаждет муж?

Как этот бред вселился в столько душ?

Отшельник

В них — вера. Брось! Здесь плач не помогает.

Иль древний рок

Впервой с людским умом играет?

Евдора

Убить тебя — в угоду зверю!

Отшельник

Зверь! Всюду чудится пророк

Тому, кто молвить хочет: «Верю».

Хоть и не первый мученик я,

Но по беспечности — первый, наверно.

С досужей блажью, со скверной

Людской я не бился,

Я из-за тряпки с ним сцепился,

Тряпки — о, боже! — в которой нуждался.

Господень лик, что мой покой хранил, Вдобавок изверг прихватил.

Евдора

Мой разум лжепророка раскусил.

У нас в дому раба обрел он в муже, Его ж мохнатое величество к тому же

Во мне изволил Леду увидать,

Лужайкой счел мою кровать

Для резвых игр.

Отшельник

Могла ль другого ждать?

Евдора

Презренного отвергла я. Но зверь

С бедняжкой Психеей дружит теперь, Чтоб досадить мне. Клянусь богам — Умру, а крови пролить не дам!

Отшельник

Уж к обряду готовят храм.

Евдора

Вразумит беда хитрей быть,

Не отступлюсь от слова.

Лишь стоит мне поманить —

Дерзким дурнем завладею снова.

Отшельник

И что ж?

Евдора

Когда поведут к закланью, Сманю его укрыться в зданье

Священное, избрав предлогом

Величье, кротость чувств своих.

Тогда побуди их

Настигнуть нас с богом.

Отшельник

Боюсь...

Евдора

Не знай забот.

Каждый, кто бой за жизнь ведет,

Тот могуч. Я верю. Тебе ль страшиться?

Отшельник

Коль нет, пусть казнь моя свершится.

ХРАМ

Сатир в свирепой торжественности восседает на алтаре. Перед ним коленопреклоненный народ, возглавляемый Психеей.

Народ

(хор)

Сын бессмертных! Дух палящий!

Гнев забудь!

Грешникам — грозой разящей,

Нам — благим покровом будь!

Пусть свершилось прегрешенье,

Ниц взгляни: вершим отмщенье,

Он ступил на смертный путь.

Гермес. За ним стража ведет отшельника.

Смерть и ад — ему наградой!

Сын бессмертных, будь оградой

Верным детям! Гнев забудь!

Сатир

(слезал с алтаря)

Я прегрешенье олуху простил.

И что б ваш суд ни порешил:

Дурня прирезать иль оправдать —

Я не буду возражать.

Народ

О, как он свят!

Пусть гада казнят!

Сатир

Я в храм отправлюсь переждать.

И смерть тому, кто вслед за мной

Шагнет в божественный покой!

Отшельник

(про себя)

Увы мне! Боги, сжальтесь надо мной!

Сатир уходит.

Ваш приговор приму достойно.

Давно готовлюсь я почить спокойно.

Я жизнь свою не долгое ли время

Ничтожной мнил и скорбно нес, как бремя?

Пусть так! Слезою омраченный взгляд

Товарища, плач дорогой жены,

Детей беспомощных души не возмутят.

Мой дом и сад со мной должны

Погибнуть, жизнь мою глухую

Хранившие. Печалит лишь одно,

Что было столько тайн укрытых мне дано

Познать с таким трудом и — горе мне! — впустую, Что все, чем я так тяжко жил,

Множество сокровенных сил

С моей душой покинут мир навек...

Один из народа

Он мне знаком, он дошлый человек.

Другой

Что дошлый? Бог разумнее всех.

Третий

Нам скажет ли? Вот что спросить не грех.

Отшельник

Вас более сотни. Но будь вас даже и двести, Любому тайну открою на месте.

Всем — по тайне. То,

Что до всех доходит, — ничто.

Народ

Он нас одурачит! Все лжет!

Отшельник

(Гермесу)

Время не ждет.

О, дозвожь тебе открыть

Эту тайну благую. И сможешь быть

Вовек, вовек блажен.

Гермес

А в чем же тайна?

Отшельник

(тихо)

Про камень мудрых слышал ли случайно?

Мы от народа

Скроемся тут же, у входа.

Направляются в храм.

Народ

Безумный! Храм замкнуть!

Психея

В святилище? Гермес? За ним шагнуть?

Завет божества преступить?

Народ

Смерть! Смерть! Безбожника казнить!

Они тащат отшельника к алтарю. Один из народа силком вручает Гермесу жертвенный нож.

Евдора

(из храма)

Гибну! Гибну!

Народ

Это кто бы?

Гермес

Голос жены!

Отшельник

Уймите вашу злобу

Хоть на малый срок.

Евдора

(из храма)

Гибну, муж мой! Гибну!

Гермес

Беда! Голос жены!

Он с силой растворяет двери святилища. Видно, как Евдора отбивается от объятий сатира.

Смею ли верить?

Сатир оставляет Евдору.

Евдора

Этого — богом звать?

Народ

Он зверь! Он зверь!

Сатир

От вас, ду?рней, что и ждать!

Ослам, казалось бы, лишь честь в том, Коль я, как Зевс, мой родитель, в былом, Вам мудрость в дурью башку вгоняю

И блох из ваших жен вытрясаю,

Которых выколотить вы забыли.

Так пропадайте ж в дерьме и пыли!

Быть пастырем вам не берусь.

К смертным — душой подостойнее! — я спущусь.

Гермес

Ты нам не бог! Ступай к другим!

Сатир уходит. За ним — Психея.

Отшельник

А все же дева пошла за ним.

Комментарии

Эта небольшая сатирическая пьеса относится к периоду «Бури и натиска». Она близка по духу фарсу «Боги, герои и Виланд» (т. 4). В годы «Бури и натиска» Гете глубоко воспринял идеи Жан-Жака Руссо, противопоставлявшего ложной буржуазно-монархической цивилизации опрощение и возврат к природе. Однако он не был безоговорочным приверженцем этого учения. «Сатир, или Обогащенный леший» — критика крайностей некоторых последователей руссоизма, доводивших идею возврата к природе до оправдания любой дикости. Вместе с тем «Сатир» и пародия на мнимых «пророков», оправдывающих свои низменные стремления высокими принципами. Сам Гете определил это произведение как одно из проявлений его «божественной юношеской дерзости» (письмо к Ф. Якоби от 11 января 1808 г.). «Сатир» написан в конце лета 1773 года. Отдельные мотивы отражают влияние различных литературных произведений: шуточной пьески Ганса Сакса (1494–1576) «Лесной брат и сатир», «Тартюфа» Мольера и комедии француза Шарля Палиссо «Философы» (1760). Последнюю из названных пьес Гете видел в юности, и ему запомнилась «фигура философа, который ползает на четвереньках и грызет сырой кочан салата» («Поэзия и правда», т. 3, кн. 3).

Гете рассказывает в автобиографии, что друг его Мерк обратил его внимание «на тех, кто, не обладая большими талантами, добивается влияния и умеет посредством обширных связей, что называется, выйти в люди». Одного такого типа, «дельного и напористого», Гете, по его словам, изобразил в «Сатире, или Обогащенном лешем» («Поэзия и правда», т. 3, кн. 13). Указание на то, что главный персонаж имел реальный прототип, привлекло внимание гетеведов. Не случайно Гете опубликовал эту сатиру лишь тридцать четыре года спустя

после написания, в томе 9 двадцатитомного издания своих сочинений (1817); задержка публикации была, надо полагать, вызвана тем, что Гете не хотел задеть того, кто мог бы узнать себя в Сатире. Когда издание появилось в печати, многих из прежних друзей и знакомых Гете уже не было в живых. Кто из друзей (и врагов) послужил прототипом Сатира, едва ли когда-либо будет окончательно выяснено. Большинство комментаторов сошлось на том, что Гете, создавая этот образ, осмеял некоторые черты личности Гердера, что вполне вероятно, если вспомнить неровные отношения Гете с его старшим другом. Выдвинутое в 1949 году Ф.-И. Шнайдером предположение, что прототип Сатира не кто иной, как А.-С. фон Гуэ, с которым Гете общался, — по нашему мнению, не заслуживает серьезного внимания: фон Гуэ, каким он изображен в «Поэзии и правде» (кн. 12, т. 3), едва ли мог вдохновить Гете на его блестящую шутку. Скорее всего Сатир — не портрет, а обобщение, содержащее черты разных людей.

Важнее установления прототипов литературная, точнее — поэтическая сторона фарса. Сатира и гротеск сочетаются в нем с экспериментаторством в стихотворной речи. Гете применил здесь народный рифмованный стих (наподобие русского раешника) — «книттельферс». Примерно в то же время происходила работа над первыми набросками «Фауста», где также применена эта форма стиха, доведенная Гете до совершенства. Своеобразной является тональность пьесы, в которой неожиданны и тонки переходы от серьезности к иронии и насмешке.

...вздор // Вас разлучает с давних пор // С природой, а блаженство — в ней... — Повторение идей Ж.-Ж. Руссо продолжено и в дальнейших речах Сатира. Эти высказывания отличаются двойственностью: Гете разделял стремление к природе и естественности, но в устах Сатира, преследующего корыстные цели, благородные идеи Руссо приобретают сомнительный характер.

Рвите каштаны! — Виланд в «Разговоре во сне с Прометеем» (1770) подверг Руссо насмешливой критике с позиций ортодоксального просветительства. В частности, он иронизировал по поводу утверждения, будто первобытные люди питались желудями, возражая с показной ученостью, что-де древние авторы Плиний и Страбон называют в качестве пищи первобытных людей каштаны.

Внемли, кому повем... — В этой и двух следующих речах Сатира выражена оригинальная идея о возникновении мира. Не-вещь — хаос, царивший изначально; пра-вещь — это свет, прорвавший тьму и положивший начало жизни. Центральная мысль заключена в словах: «Как Любовь с Враждой пришли, // Всё и всех в одно сплели...» Здесь выражена поэтическая концепция мира как гармонического целого, цементирующим началом которого являются свет и любовь. Этот мотив встречается и в ряде других, более поздних произведений Гете; см., например, стихотворение «Воссоединение» в «Западно-восточном диване» (т. 1), а также «Фауст» (ч. I, слова Мефистофеля: «Я части часть, которая была // Когда-то всем и свет произвела. // Свет этот — порожденье тьмы ночной...» (т. 2).

...И одно поет... — Сатир воспроизводит здесь учение древнегреческой философии пифагорейцев, согласно которому существует звучащий свет. Эта идея выражена также в «Фаусте»: в «Прологе на небе» и в начале второй части: «Слышите, грохочут Оры!...» (т. 2).

А. Аникст